

Universiteit
Leiden
The Netherlands

Contact-induced change in Dolgan : an investigation into the role of linguistic data for the reconstruction of a people's (pre)history

Stapert, E.L.

Citation

Stapert, E. L. (2013, September 26). *Contact-induced change in Dolgan : an investigation into the role of linguistic data for the reconstruction of a people's (pre)history*. LOT dissertation series. Retrieved from <https://hdl.handle.net/1887/21798>

Version: Corrected Publisher's Version

License: [Licence agreement concerning inclusion of doctoral thesis in the Institutional Repository of the University of Leiden](#)

Downloaded from: <https://hdl.handle.net/1887/21798>

Note: To cite this publication please use the final published version (if applicable).

Cover Page

Universiteit Leiden

The handle <http://hdl.handle.net/1887/21798> holds various files of this Leiden University dissertation.

Author: Stapert, Eugénie

Title: Contact-induced change in Dolgan : an investigation into the role of linguistic data for the reconstruction of a people's (pre)history

Issue Date: 2013-09-26

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

В настоящей диссертации рассматриваются изменения в долганском языке, обусловленные языковыми контактами с другими языками, а также изучается вопрос о роли лингвистических данных в реконструкции предыстории долганского народа. Исследование в первую очередь лингвистическое, однако его целью также является интерпретация лингвистических данных в междисциплинарном контексте, в частности приводятся данные из истории, этнографии и популяционной генетики. Таким образом, работа представляет собой пример новаторского исследования, объединяющего данные разных дисциплин с целью более глубокого понимания этнической идентичности и истории народа долган.

Долганский язык принадлежит тюркской семье языков. Он распространен на территории полуострова Таймыр (Таймырский долганоненецкий округ) и в Анабарском улусе республики Якутия. В разные периоды своей истории долганы имели контакты с разными народами, особенно тесные – с якутами и эвенками. Поэтому в литературе долган часто называют смешанным народом, сформировавшимся под тюркским и тунгусским влиянием. Однако, неясно, являются ли они изначально тюркским народом, который приобрел культурные особенности тунгусов и получил тунгусское название («долганы»), или же это тунгусский народ, перешедший на тюркский язык. Объединяя данные разных дисциплин, настоящее исследование позволяет пролить свет на эти вопросы.

В Главе 1 формулируются цели настоящей диссертации, приводится географическая и социолингвистическая информация о местах, где проводилось полевое исследование, и определяются методологические рамки исследования для идентификации контактных изменений в языке.

В Главе 2 приводится детальная географическая, историческая и этнографическая характеристика долган и описывается лингвистическая ситуация на Таймыре. В этой главе рассказывается о сложной истории долганского народа, а также рассматривается вопрос о роли, которую может сыграть национальная политика в появлении или исчезновении народа на этнографической карте. Показывается, что в процессе изучения долган этнографы не только описывали этот коренной народ Сибири, но и формировали идентичность долган в соответствии с определенными

личными и политическими целями. Эта субъективность усложняет установление действительных «фактов» в этнической истории долган. Однако эта проблема может быть частично решена с учетом более объективных данных анализа ДНК. Анализ митохондриальной ДНК (происхождение по материнской линии) показывает, что женщины много перемещались по Таймырскому полуострову и часто выходили замуж за мужчин других этнических групп. Анализ данных Y-хромосомы показывает, что происхождение по отцовской линии также смешанное. Генетический анализ выявил, что, по крайней мере одна треть, а возможно и две трети (в зависимости от типа анализа) долганской популяции генетически связаны с тунгусскими популяциями, что подтверждает гипотезу об интенсивном контакте с тунгусскими народами.

Глава 3 содержит обзор литературы по контактной лингвистике. В этой главе вводятся основные понятия из теорий языковых контактов, которые используются в последующих главах. В отсутствие единой и всеобъемлющей модели изменений, вызванных языковыми контактами, в настоящем исследовании был принят смешанный подход, использующий понятия из нескольких теорий, наиболее подходящие для анализа долганского материала. Эта глава завершается обсуждением роли теории языковых контактов в изучении языковых изменений.

В главе 4 рассматриваются лексические различия между долганским языком и якутским (Саха). В начале главы описываются методы анализа лексических изменений, далее рассматриваются шесть типов лексических различий, которые анализируются как с точки зрения частотности, так и с точки зрения семантики. Для анализа частотности рассматриваемая лексика в долганском и в якутском распределена по 24 семантическим полям. В фокусе семантического анализа находятся шесть типов лексических различий, упомянутые выше. В ходе анализа относительной частотности каждого из этих различий обнаружилось, что наиболее частым различием в лексике долганского и якутского является семантический переход. Этот тип лексических различий рассматривается более подробно, выявляются важные изменения в семантической структуре терминов родства, а также в семантическом поле «части тела». По форме эти лексемы оказываются одинаковыми в якутском и долганском языке, однако семантическая структура этих полей в долганском систематически совпадает со структурой в эвенкийском языке. На основании этих данных можно сделать вывод о том,

что с наибольшей вероятностью это семантическое изменение имело место среди эвенков, которые перешли на долганский язык, но сохранили свою традиционную социальную структуру. В заключительной части главы обсуждается феномен «лексического замещения» и анализируются лексические заимствования из эвенкийского и русского.

В главе 5 обсуждаются морфологические различия между якутским и долганским языками, в частности в спряжении вспомогательного глагола *e*-‘быть’ и в склонении нестабильных существительных. В якутском языке обе парадигмы нерегулярны, в то время как в долганском появились и регулярные варианты. Автор не исключает возможности развития этой разницы под влиянием внутренних изменений в долганском, однако предлагает и другое объяснение: этот процесс мог быть ускорен эвенками, которые пользовались долганским как вторым языком.

В главе 6 рассматривается причастие со значением хабитуальности. Анализ морфосинтаксических свойств этого причастия, а также его частотности показывает, что оно по-разному используется в долганском и якутском. В отличие от якутского языка, где это причастие может использоваться как существительное, в долганском оно используется только в предикативной функции и является гораздо более частотной формой. Возможно, использование этих причастных форм в долганском изменилось таким образом, что с точки зрения морфосинтаксической дистрибуции они приблизились к соответствующим формам в тунгусо-маньчжурских языках.

Следующее рассматриваемое различие проявляется в порядке слов. В Главе 7 показывается, что в долганском языке порядок слов гораздо более свободный, чем в якутском. В отличие от большинства тюркских и тунгусских языков, в которых наблюдается строгий порядок слов SOV, в долганском, как показывают данные корпуса разговорной долганской речи, предложения с порядком слов SVO встречаются значительно чаще. Хотя причиной этого изменения также могут быть внутриязыковые изменения, и это объяснение нельзя исключать из рассмотрения, более вероятной причиной изменения порядка слов в долганском автор считает возрастающее доминирование у долган русского языка, в котором порядок слов SVO является базовым.

В главе 8 анализируются различия в стратегиях оформления сложного предложения. Вероятно, некоторые из них возникли в результате контакта с эвенкийским языком, однако большая их часть развилась относительно

недавно под влиянием русского языка и в результате постепенной утраты долганями долганского языка. В данной главе сочетается описание релевантных социальных факторов и разнообразных лингвистических последствий, и таким образом подчеркивается важная роль изучения разных факторов в объяснении языковых изменений, вызванных контактами.

В главе 9 подробно обсуждаются выводы, полученные в предыдущих главах. Лингвистические результаты помещаются в исторический, этнографический и генетический контекст, описанный в главе 2, что позволяет проследить все изменения как компоненты единого процесса. Автор показывает, что предками современных долган были преимущественно две популяции – якуты и эвенки. Контакты между этими народами можно проследить начиная с XVII в., но наиболее важным периодом стал конец XVIII в. и XIX в., когда несколько групп якутов и эвенков поселились вдоль Хатангского тракта, где активно развивалась торговля с русскими. Таким образом, росла и развивалась новая общность, языком общения которой стал якутский, являющийся к тому времени *lingua franca* в этом регионе. Язык, который возник в этих условиях, позже стал известен как долганский. В основе его находится якутский язык, однако русский и эвенкийский повлияли на него как структурно, так и лексически. Во второй половине XX в. название «долганы» стало официальным этнонимом для этой разнообразной по своему составу общности в арктической Сибири.

Глава 10 содержит заключительные выводы диссертации и обрисовывает перспективу для дальнейшего исследования.